

Александр Михайлович Лобин

Alexander Mikhailovich Lobin

Ульяновский государственный технический
университет, Россия

Ulyanovsk State Technical University, Russia

amlobin@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6885-0963

<https://doi.org/10.34768/W8BH-5877>

INTERNATIONAL
JOURNAL
OF SLAVIC STUDIES

TRANSGRESSIVE, PRAGMATIC
AND SPECULATIVE HORIZONS
OF POPULAR LITERATURE AND
CULTURE

Nr: 2 (2020)

ISSN (on line) 2658-154X

Эволюция военно-исторического романа в российской фантастике 2010-гг. и генезис локального жанра „попаданцы на ВОВ”

Evolution of the Historical Military Novel in Russian Speculative Fiction of the 2010s and Genesis of the Local Genre „Time Travelers to World War II”

Abstract

The paper investigates the contemporary Russian historical military novel, which is seen as a highly popular speculative fiction genre of the 2010s. The author focuses on defining the boundaries of the local genre “Time Travelers to World War II”. The popularity of the genre seems to stem from increasing interest to the topic of World War II in the Russian public conscience of XXI century and a call for rethinking Russian and Soviet history and “correcting” historical errors.

The author defines ideological and artistic boundaries of the genre, which is considered to have been formed as a merge of military speculative fiction, alternate history and the “time traveler” adventurous plot. Analysis of the evolution of the speculative fiction genres in the Russian literature of XIX-XXI centuries revealed the essential eclecticism and internal inconsistencies of the “Time Traveler to World War II” plot.

Three main trends in the development of the local genre were identified. The heroic adventure trend focuses on depicting successful actions of a well-equipped and trained time traveler. The alternative history trend represents possibilities of changing the course of the war through a single person’s efforts. The war history trend aims at providing, as far as possible, an objective description of the war.

Key words: historical military novel, alternate history, speculative fiction, World War II.

Ключевые слова: военно-историческая фантастика, Великая Отечественная война

Военная фантастика – одно из самых популярных направлений НФ. Проектирование новых образцов „чудо-оружия”, прогнозирование вероятных военных действий, описания воображаемых схваток в космосе и переигрывание прошедших войн в альтернативной истории всегда пользовались большим успехом у читателей.

Популярность каждого из перечисленных направлений определялась социальным и политическим контекстом создания произведений, а также текущим состоянием фантастики как жанра литературы. В российской военной фантастике XXI века на первый план вышло историческое направление, посвященное преимущественно теме Великой Отечественной войны и основанное на сюжетном допущении „попаданцев” в прошлое, принимающих участие в боевых действиях, а в некоторых случаях даже меняющих ход истории. Оценивая популярность тех или иных сюжетов хронопутешествий В. А. Ковалев определил, что Великой Отечественной войне посвящено 43% произведений¹ и по мнению М. Галиной, „мы имеем дело с отдельным направлением военно-патриотической литературы”².

Наибольшей известностью в этом сегменте фантастической прозы пользуются семитомная эпопея „Черные бушлаты” А. Конторовича, тетралогия „Попытка возврата” И. Конюшевского, пятитомник „Переиграть войну” А. Рыбакова, трехтомные „Истребители” и „Танкисты” В. Поселягина, „Три танкиста из будущего” А. Логинова, „Я из СМЕРШа” и „Разведчик” Ю. Корчевского, „Чужие крылья” Р. Юрова, а также дилогии и отдельные произведения С. Арсеньева, А. Баренберга, Н. Берга, В. Большакова, С. Буркатовского, О. Верещагина, А. Дроздова, А. Замкового, Р. Злотникова, А. Золотко, А. Ивакина, В. Кононюка, А. Махрова, В. Мельнюшкина, К. Найтова, В. Полищука и О. Языкова.

Романы о „попаданцах на ВОВ” ясно выделяются в общем поле хронофантастики временем действия (1939-1945 годы) и в совокупности формируют общее сюжетное пространство, объединенное не только местом действия и „попаданческим” сюжетом, но и общими идеологическими установками, типологией героев и системой персонажей. В настоящее время романы о „попаданцах на ВОВ” можно рассматривать как локальный жанр, наряду с такими как „фантастика

¹ Kovalyov, Victor, *Nashe nepredskazuemoe proshloe: popast' v al'ternativu*, "Rossiya i sovremennyy mir", 2014, № 1 (82), s. 150.

² Galina, Maria, *Vernut'sya i peremenit'*, Tryb dostępu: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2017/4/vernutsya-i-peremenit.html> [Dostęp: 17.07.2019]

апокалиптическая и „имперская”, „альтернативной истории” и истории о „попаданцах”³.

Столь масштабный литературный проект не мог остаться вне поля исследователей и о „попаданцах на ВОВ” писали Ф. В. Ахмадиев, И. В. Зимин, В. А. Ковалев, Л. Г. Фишман и К. Г. Фрумкин, а также критики М. Галина, П. Виноградов, С. Лукьяненко и др. В их работах анализируется, прежде всего, идеологическая составляющая „попаданчества”, причины появления такой литературы и ее функции. Так, Л. Г. Фрумкин полагает, что она является закономерной реакцией на события 1990-х годов: „катастрофичность последовавших событий немедленно поставила вопрос о проблематичности и даже "ошибочности" предшествовавшей истории”⁴. Повышенная значимость темы Великой Отечественной закономерна, так как „ВОВ за последние десятилетия превратилась в наш главный героико-исторический миф, еще как-то скрепляющий российское единство”⁵. М. Галина утверждает, что книги о „попаданцах” „являются откликом на запрос, идущий снизу”⁶, а по мнению Ф. В. Ахмадиева они „служат не просто развлечением, а несут познавательный и воспитательный заряд”⁷. Критик П. Виноградов указывает на „ностальгию по СССР и горечь за историческую судьбу отчизны, а соответственно желание каким-либо образом исправить положение”⁸.

В целом исследователи и критики достаточно ясно выделили основные содержательные черты локального жанра „попаданцев и ВОВ”, отграничили его от смежных направлений фантастики и сделали ряд интересных наблюдений о его поэтике. Так, И. В. Зимин отмечает, что „сегодняшние "попаданцы" - это преимущественно офицеры ВДВ, ГРУ, ФСБ, обладающие соответствующей физической и специальной подготовкой”⁹, а Л. Г. Фишман отмечает, что здесь „присутствует описание исторического контекста с именами, событиями, странами,

³ Kovtun, Elena, *Fantastycznie w lustrze grup oczekiwania*, "Studia polonoslavica", Warszawa, 2014, s. 380.

⁴ Frumkin. Konstantin, *Al'ternativno-istoricheskaya fantastika kak forma istoricheskoy pamyati*, "Istoricheskaya ekspertiza", 2016, № 4, s. 18.

⁵ Kovalyov, Victor, *Nashe nepredskazuemoe proshloe: popast' v al'ternativu*, "Rossiya i sovremennyy mir", 2014, № 1 (82), s. 152.

⁶ Galina, Maria, *Vernut'sya i peremenit'*, Tryb dostępu: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2017/4/vernutsya-i-peremenit.html> [Dostęp: 17.07.2019]

⁷ Ahmadiyev, Farit, „Popadancy” ili fenomen zhanra al'ternativnoj istorii v sovremennoj literature, Tryb dostępu: <https://klauzura.ru/2016/11/farit-ahmadiyev-popadantsy-ili-fenomen-zhanra-alternativnoj-istorii-v-sovremennoj-literature/> [Dostęp: 17.07.2019]

⁸ Vinogradov, Pavel, *Marsh „popadancev”*, ili Nostal'giya po al'ternative, Tryb dostępu: <http://lgz.ru/article/N13--6316---2011-04-06-/Marsh-«popadantsev»15731/> [Dostęp: 17.07.2019]

⁹ Zimin Igor, Glezerov, Sergei, *Rossijskaya literatura zaputalas' v al'ternativnoj istorii*, Tryb dostępu: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/esli_nbsp_by_da_nbsp_kaby_ [Dostęp: 17.07.2019]

культурой и т.д. Очень много места уделяется описанию того, как герой решает те или иные технические проблемы”¹⁰. В то же время критически оценивается „легкость, с которой герой разбирается в совершенно незнакомой ему жизни, интегрируется в тамошнее общество, буквально ногой открывает двери сильных мира того, а те внимательно прислушиваются к его рекомендациям и тщательно их выполняют”¹¹.

Процитированные работы носят, как правило, обзорный характер, и хотя такие исследователи как Л. Фишман, К. Фрумкин и М. Галина опираются на анализ тестов отдельных произведений, их интересуют, прежде всего, социологические и общекультурные аспекты проблемы, тогда как собственно поэтика произведений (сюжет, система персонажей, хронотоп и пр.) практически не рассмотрены. Ранее я опубликовал ряд работ, в которых исследовал сюжетную составляющую и типологию героев-”попаданцев на ВОВ”¹², но многие аспекты художественной составляющей этих произведений еще не изучены. Предметом исследования в данной статье являются генезис локального жанра „попаданцы на ВОВ” в русле российской фантастики, а целью – анализ направлений его эволюции. Объектом исследования стали многочисленные произведения о „попаданцах на ВОВ” названных авторов, созданные за прошедшее десятилетие.

Роман о „попаданцах на ВОВ” в настоящее время представляет собой достаточно эклектичное и сложное образование, что обусловлено, прежде всего, его генезисом. Эти произведения созданы на стыке военно-фантастической прозы, альтернативной истории и собственно „попаданческой фантастики”, поэтому содержат элементы поэтики каждого из этих жанров, что и определяет его художественную специфику.

Первые военно-фантастические романы, в которых „описывались исторически возможные военные конфликты между страной автора и ближайшим враждебным государством”¹³ появились еще в конце XIX века. Это направление фантастики было широко представлено как в зарубежной, так и в российской, а затем и советской литературе. Наибольшей популярностью пользовались романы А. Конкевича „Крейсер *Русская надежда*” (1886) и „Роковая война 18?? Года” (1887), С. Бекнева „Гибель

¹⁰ Fishman, Leonid, „Popadancheskaya” fantastika: neuznannoe vypolnenie „social'nogo zakaza”? "Filosofiya obrazovaniya", 2013, № 6 (51), s. 122.

¹¹ Vinogradov, Pavel, Marsh „popadantsev”, ili Nostal'giya po al'ternative Tryb dostępu: <http://lgz.ru/article/N13-6316---2011-04-06-/Marsh-«popadantsev»15731/> [Dostęp: 17.07.2019]

¹² Lobin, Alexandr, Velikaya Otechestvennaya vojna kak syuzhet sovremennoj istoricheskoy fantastiki "Filologicheskij klass", 2013, № 3 (33), s. 122–127.

¹³ Haritonov Evgeniy, „Bez vojny oni skuchayut...”, Tryb dostępu: http://www.fandom.ru/about_fan/haritonov_08.htm [Dostęp: 17.07.2019]

воздушного флота” (1911) и В. Семенова „Цари воздуха” (1908), Н. Шпанова „Первый удар” (1939) и П. Павленко „На востоке” (1937)¹⁴.

Названия этих произведений дают достаточно полное представление об их содержании. А поскольку в качестве авторов, как правило, выступали инженеры и военные, художественная ценность военных утопий оказалась очень низкой: слабый язык, повышенная идеологизация, схематичность персонажей, политическая конъюнктурность – все эти недостатки, типичные для „фантастики ближнего прицела”, стали причиной того, что сами эти произведения были быстро забыты, а направление военной фантастики в послевоенной советской литературе быстро угасло.

Новый импульс развития военно-фантастический роман получил в русской фантастике 2000-х годов, когда вновь оказалась востребованной тема противостояния России и НАТО. Одним из первых таких произведений стал роман „Истребители” А. Свиридова и А. Бирюкова (1998) о противостоянии русских и американских пилотов в небе Югославии. К числу подобных произведений можно отнести дилогии „Партизаны третьей мировой” А. Колентьева (2011), „Война – 2010” Ф. Березина, „Имперец” А. Конторовича (2014), „Иной вариант” И. Конюшевского (2011), романы Г. Боброва „Эпоха мертворожденных” (2008), „Империя очень зла” К. Мзареулова (2008), О. Верещагина „Никто кроме нас” (2012), Г. Савицкого „Поле боя – Украина” (2009), Н. Побережника „Я вас не звал” (2014) и др. В этих произведениях описаны различные варианты военных действий: от взаимных атомных бомбардировок до партизанской войны против НАТО на территории РФ и бывших советских республик.

В плане содержания военная российская фантастика XXI века заметно отличаются от военно-технических утопий конца XIX и первой половины XX веков, но все же явно продолжает ее традиции: в обоих случаях на первом плане стоят идеи патриотизма и активного противостояния агрессору, реализованные как в пространственных авторских отступлениях, так и в сюжете, где основное место занимает изображение военных действий. Кроме того, большое внимание уделяется детальному описанию оружия и обсуждению военной тактики. Все эти элементы поэтики оказались успешно реализованы и в жанре „попаданцев на ВОВ”, создаваемый в те же годы и отчасти теми же авторами: О. Верещагиным, А. Конторовичем, И. Конюшевским.

Следующим жанром, определяющим поэтику произведений о „попаданцах на ВОВ” стал альтернативно-исторический роман, описывающий реальность, в которой

¹⁴ Gularyan, Artem, Tema gryadushchej vojny v otechestvennoj fantastike, Tryb dostępu: http://samlib.ru/g/gularjan_a_b/gryaduschayawar.shtml [Dostęp: 17.07.2019]

история в один из своих переломных моментов пошла по другому пути. Наибольшую известность он приобрел во второй половине XX века после публикации „Человека в высоком замке” Ф. Дика или „Острова Крым” В. Аксенова, однако первые произведения такого рода были созданы намного раньше: „Вторая жизнь Наполеона” (1917) и „Пугачев-победитель” (1924) М. Первухина, „БЕСЦЕРЕМННЫЙ РОМАН” В. Гиршгорна. И. Келлера, В. Липатова (1928), „Да не опустится тьма” Л. Спрег де Кампа (1939) и др.

В исторической науке альтернативная реальность исследуется в рамках контрфактических моделей¹⁵, где рассматриваются возможности или вероятности иного течения исторических событий. Например, „что было бы, если бы Наполеон выиграл битву при Ватерлоо?”¹⁶. Возможно также продление жизни какой-либо исторической личности (этот вариант реализовал А. Тойнби в своем эссе об Александре Македонском¹⁷) и другие варианты. В фантастике кроме „естественного” случайного изменения хода событий может быть реализован совершенно ненаучный вариант сюжета, когда „в результате вмешательства внешних сил, например пришельцев из будущего, происходит... *разветвление истории*”¹⁸.

В рамках заявленной темы наибольший интерес представляет именно последний случай, то есть вмешательство в ход истории пришельцами из будущего. Это один из самых востребованных сюжетов „хронопутешествий”, популярных в мировой фантастике второй половины XX века. Но в тот момент фантастов вполне устраивал результат исторического процесса, поэтому идея активной переделки прошлого воспринималась негативно. Этот тезис демонстрируется в таких произведениях как „Конец вечности” А. Азимова, „Патруль времени” П. Андерсона, „Время для мятежника” Г. Гаррисона, „И медные трубы”, „Демон истории” С. Гансовского, „Петля гистерезиса” И. Варшавского, „Похищение чародея” К. Булычева и другие.

В 1990-х годах политическая ситуация резко изменилась и путешествие в прошлое для российских фантастов стало восприниматься прежде всего как возможность „исправить ошибки истории”. Этот сюжет был реализован в романе В. Звягинцева „Одиссей покидает Итаку” (1992), героям которого удалось буквально за

¹⁵ Nekhamkin, Valerei, Kontrfakticheskie istoricheskie issledovaniya, Tryb dostępu: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/134125/> [Dostęp: 17.07.2019]

¹⁶ Petuhova, Elena, Chernyj, Igor, Sovremennij russkij istoriko-fantasticheskiy roman: monografiya, Moskva, 2003, 138 s.

¹⁷ Tojnbi, Arnold, „Eсли by Aleksandr ne umer togda...”, „Znanie – sila”, 1979, № 2, s. 39–42.

¹⁸ V. A. Kovalyov, Nashe nepredskazuemoe proshloe: popast' v al'ternativu, „Rossiya i sovremennij mir”, 2014, № 1 (82), s. 145.

три месяца реорганизовать войска, наладить производство нового оружия, поэтому в альтернативной реальности Великая Отечественная война закончилась в середине 1943 г. В следующем романе цикла „Разведка боем” (1996) те же герои переиграли в пользу белых Гражданскую войну, а в 1995 году десант в прошлое с той же целью отправил А. Валентинов в первой трилогии эпопеи „Око силы”.

Но в 1990-х годах идея целенаправленной „оптимизации” хода истории широкого распространения не еще получила, так как в этот период не было главного – привлекательного утопического образа будущего, который могли бы построить путешественники в прошлое. Поэтому российские фантасты конца XX века ограничивались демонстрацией „ошибок” российской истории (как правило 1917 и 1937 годов) и критикой советского строя в целом. Особенно ясно эта концепция прозвучала в творчестве уже упомянутых В. Звягинцева и А. Валентинова, а также К. Булычева („Река Хронос”, 1992), Л. Вершинина „Первый год республики”, 1995) и А. Лазарчука и М. Успенского („Посмотри в глаза чудовищ”, 1997). Что касается темы Великой Отечественной войны, то она еще не стала достаточно значимой и представлена только несколькими радикально-альтернативными вариантами истории: проигрыш СССР в Великой Отечественной („Тихий ангел пролетел” Ф. Абрамова, „Иное небо” А. Лазарчука, „Полукровка” С. Синякина) или объединение СССР и Германии („По ту сторону” А. Доставалова).

Последней сюжетной составляющей локального жанра „попаданцы на Великую Отечественную войну” является фантастическое допущение, в рамках которого современный человек „попадает” в чужой для него мир. На этой основе было создано множество произведений самых разных жанров, начиная от сатирических „Путешествий Гулливера” Д. Дефо и заканчивая утопиями, такими, например, как „Люди как боги” Г. Уэллса. А наиболее интересный для нашего исследования сюжет с переносом героя в прошлое и создания в нем альтернативной реальности описал Марк Твен в романе „Янки из Коннектикута при дворе короля Артура” в 1889 году.

„Попадание” представляет собой универсальный сюжетный прием, обладающий некоторыми специфическими особенностями:

- герой или группа героев неожиданно переносится в иную реальность;
- они не готовы к этому путешествию и не могут самостоятельно вернуться;
- независимо от места и способа переноса „попаданцы” обязательно сталкиваются с проблемами выживания, адаптации и повышения статуса;

- после успешного вхождения в новый мир они могут более или менее успешно изменять его в соответствии со своим идеалом.

В настоящее время описано множество вариантов „попаданий” не только в прошлое, но и в будущее, в параллельные, фэнтезийные и даже виртуальные миры. Это один из популярнейших трендов фантастики, позволяющий автору реализовать свои идеологические установки, в том числе и на „исправление ошибок”, ставшее особенно актуальным в русской фантастике начала XXI века, когда Великая Отечественная война стала восприниматься как центральное событие советской истории. Также изменилось и само понятие „ошибка истории”, в качестве которой стали восприниматься не только Октябрьская революция, но и развал СССР, а также вообще все события, угрожающие суверенитету и территориальной целостности России. Мотивацию „попаданцев на ВОВ” в наиболее общем виде сформулировал В. Конюшевский, автор тетралогии „Попытка возврата”: „что я хочу? Ну, что б на войне потерь меньше было... Что еще хочу? А хочу, что б Союз не развалился. И всего, что после развала произошло, не было”¹⁹. Желание спасти СССР испытывают далеко не все „попаданцы”, но стремление помочь предкам присутствует обязательно и является их главным мотивом.

И здесь на первый план выходит личность самого „попаданца”, который „воплощает именно связь настоящего времени с прошлым, причем является транслятором в прошлое как актуальных ценностей, так и актуальных технических навыков... он предлагает новые, *актуализированные* знания, политические, управленческие и технологические решения”²⁰. Более того, он „вынужден принимать гораздо более широкие обязательства и ответственность, расширять кругозор, сам создавать новую реальность”²¹, то есть – выступать в роли модернизатора общества. Основная часть „попаданческой” литературы базируется на представлении о некотором превосходстве современного человека над предками, как более информированного и креативного. Именно такая личность в определенных обстоятельствах способна радикально изменить ход истории.

Художественный прием переноса героя в прошлое требует от автора знания истории. Это особенно важно в случае „попадания” героев в относительно известные исторические периоды, где одинаково нежелательны как слабое знание предмета, так и

¹⁹ Konyushevskij, Vladislav, *Popytka vozvrata*, Tryb dostępu: <https://www.litmir.me/br/?b=35964&p=17> [Dostęp: 17.07.2019]

²⁰ Fishman, Leonid, *Popadancheskaya fantastika: neuznannoe vypolnenie social'nogo zakaza? "Filosofiya obrazovaniya"*, 2013, № 6 (51), s. 22.

²¹ Fishman, Leonid, *Popadancheskaya fantastika: neuznannoe vypolnenie social'nogo zakaza? "Filosofiya obrazovaniya"*, 2013, № 6 (51), s. 122. – 119-124., s. 122–123.

неумеренная увлеченность историзацией: „чрезмерное увлечение "заклепками" уничтожает книгу. Необходим баланс между исторической достоверностью и художественной реальностью. Зачем подробно описывать количество нашивок и расположение наград, если это не создает атмосферы?" - полагает писатель А. Ивакин²².

Описание процесса „попадания” служит прекрасной основой для создания увлекательной фабулы, но пределы авторской фантазии здесь жестко ограничены необходимостью соблюдения хотя бы видимости правдоподобия. Для решения проблем первичной легализации авторы произведений о „попаданцах на ВОВ” используют различные приемы. Наш современник может быть перенесен в виде чистого сознания в чужое тело, либо в собственном теле, в одиночку, или в группе. Если автор предполагает реализовать вариант активной переделки истории, его герой должен занять достаточно сильную позицию в обществе, например, перенестись в тело „предка”, а затем сделать головокружительную карьеру, как, например, герой К. Найтова в романе „День не задался”, который начал войну в звании лейтенанта ВВС, а закончил маршалом, что позволило ему реорганизовать советскую авиацию и выиграть войну на год раньше.

Другой вариант – связаться с руководством страны и доказать свое иновременное происхождение. В этом случае автору следует снабдить героя артефактами из будущего, или же „попаданец” должен обладать, во-первых, достаточными конкретными знаниями, а во-вторых, – иметь возможность их продемонстрировать людям, обладающим определенной гибкостью мышления и властью для принятия ответственных решений („Первым делом самолеты” А. Баренберга, „Вчера будет война” Е. Буркатовского, „Ольга” В. Кононюка и др.)

Если же авторы ограничиваются изображением боевых действий с участием своего героя, они, как правило, предпочитают отправлять своих героев на оккупируемую территорию, где в суете отступления им легче затеряться, найти брошенные оружие, документы и форму, а также избежать несвоевременной встречи с сотрудниками НКВД. Эти варианты, принципе, не исключают друг друга: во многих произведениях (С. Буркатовский „Вчера будет война”, А. Рыбаков „Переиграть войну”, А. Поселягин „Я – истребитель”, А. Дроздов „Непрощенные” и др.) героям удается и

²² Ivakin, Alexei, Vstavaj, strana ogromnaya! Velikaya Otechestvennaya v fantastike: patriotizm ili priključalovo? Tryb dostęp: <http://old.mirf.ru/Articles/art5178.htm> [Dostęp: 17.07.2019]

передать необходимую информацию, и принять непосредственное участие в боевых действиях, применяя известные им тактические разработки будущего.

К сожалению, объем данной статьи не позволяет осуществить полноценный анализ сюжетного пространства произведений о „попаданцах на ВОВ”. Общий обзор содержания данного корпуса произведений позволяет только сделать вывод об высокой степени эклектичности жанра и его внутренней противоречивости, обусловленной сложным генезисом и многообразием авторских интенций. Практически невозможно создать художественно убедительный гибрид альтернативно-исторического и приключенческого романа о попаданце, где герой мог бы сделать успешную карьеру, много и успешно воевать, при этом мотивированно меняя историю. Автор, кроме того, должен также представить исторически достоверную и патриотически переосмысленную картину Войны.

Художественная неубедительность „попаданческой” литературы о Великой Отечественной войне заложена в ее эклектичной жанровой природе и была очевидна с момента возникновения. Писатель С. Лукьяненко еще в 2010 г. иронически оценивал тот факт, что „фантасты пачками отправляли народ в 1941 год - и фашистская Германия проигрывала войну в считанные месяцы”²³. Б. Невский в 2012 году организовал дискуссию „Вставай, страна огромная! Великая Отечественная в фантастике: патриотизм или *приключалово*?”, где отметил, что „слишком часто, качаясь столь непростой и зачастую болезненной темы, наши фантасты сочиняют всего лишь легковесный экшен *на вечерок*, шапкозакидательскую *альтернативу* или цинично пытаются ревизовать историю”²⁴.

Закономерная для массовой литературы установка на остросюжетность, предопределяет наличие некоторых сюжетных штампов, весьма уязвимых для критики, как например презумпция повышенной эффективности попаданца, который в частности, может „бить врага малой кровью, использовать засады, действовать смело, вести за собой отряды окруженцев и создавать из них боеспособные части, решать вопросы снабжения, вооружения – это задача не под силу каждому генералу РККА”²⁵. Кроме того, легкость, с которой „попаданцы” совершают свои подвиги, косвенным

²³ Luk'yanenko, Sergei, Popadancy u Stalina, Tryb dostępu: <http://www.izvestia.ru/news/362106> [Dostęp: 17.07.2019]

²⁴ Nevskij, Boris, Vstavaj, strana ogromnaya! Velikaya Otechestvennaya v fantastike: patriotizm ili *priklyuchalovo*? Tryb dostępu: <http://old.mirf.ru/Articles/art5178.htm> [Dostęp: 17.07.2019]

²⁵ Ahmadijev, Farit, *Popadancy ili fenomen zhanra al'ternativnoj istorii v sovremennoj literature*, Tryb dostępu: <https://klauzura.ru/2016/11/farit-ahmadijev-popadantsy-ili-fenomen-zhanra-alternativnoj-istorii-v-sovremennoj-literature/> [Dostęp: 17.07.2019]

образом принижает подвиг предков, одержавшим Победу ценой огромных потерь и большого напряжения сил.

Отмеченные недостатки стали причиной того, что „попаданцы на ВОВ”, несмотря на их многочисленность, по-прежнему остаются именно локальным жанром, пользующимся успехом только среди узкого круга его поклонников. Что касается эволюции данного жанра, то говорить о ней достаточно сложно, так как развитие сюжетного пространства идет прежде всего по экстенсивному пути: расширение номенклатуры „попаданцев” (девушка, подросток, сын Сталина), обстоятельства переноса в прошлое (в виде сознания, в своем теле, в группе) и, прежде всего, различные рода войск: попаданец-диверсант, попаданец-летчик, танкист, подводник, пограничник... В целом, приходится признать, что, оставаясь в рамках описанного канона, создать что-то качественно новое практически невозможно.

В конечном итоге в рамках общего сюжета „попаданцы на ВОВ” можно выделить два основных направления: альтернативно-историческое, где на первый план выходит описание процесса модернизации армии и промышленности СССР, основанное на концепции возможности преобразования истории извне за счет „послезнаний” хорошо информированного „попаданца” (А. Баренберг, В. Кононюк, К. Найтов); либо героико-приключенческое, где „попаданец” совершает ряд головокружительных подвигов, успешно помогая предкам громить врага (А. Конторович, Ю. Корчевский, А. Рыбаков). В частности, отставной офицер ФСБ „дядя Саша” уже в первом романе цикла „Черные бушлаты” убил немецкого генерала и захватил портфель с секретнейшими документами, взорвал два склада с боеприпасами и уничтожил огромное количество гитлеровцев, в том числе – три группы хорошо обученных егерей.

Некоторые авторы пытаются выйти за рамки, навязанные жанром, но эти попытки требуют отказа от многих устойчивых штампов: от супергероя в главной роли, сотен поверженных врагов и обязательной переделки истории. Поэтому в последние годы в общем ряду выделилось несколько произведений, построенных на сознательном отрицании сложившегося канона. К их числу можно отнести романы Н. Берга „Леха”, А. Ивакина „Мы погибнем вчера”, А. Шевцова „Мы из будущего”, Ю. Корчевского „Пилот штрафной эскадрильи”, В. Полищука „Зенитчик”, Р. Юрова „Миг-перехватчик” и др. Героям этих произведений не удастся оказать существенного влияния на ход войны, они не создают новой боевой техники и даже не поют песен из будущего, как это делали герои В. Конюшевского или А. Поселягина.

Например, Н. Берг в романе „Лёха” отправил в 1941 год рядового российского обывателя поколения 2000-х: менеджера по продажам, не служившего в армии, плохо знающего историю и вовсе не стремящегося к участию в войне. Случайно провалившись в прошлое, Лёха прибивается к группе окруженцев, но его пляжная одежда, нетипичная упитанность и нелепое в данных условиях поведение сразу привлекают внимание. Поняв, что перед ними человек из будущего, советские бойцы принимают решение доставить его к командованию вместе с имеющимся у него айфоном в качестве доказательства. Однако осуществить этот план им не удастся: группа попадает в плен, затем бежит из него, но артефакты из будущего оказались потеряны, а сами окруженцы вместе с Лёхой безнадежно застряли в глубоком немецком тылу и присоединились к партизанскому отряду. Несмотря на отсутствие громких подвигов (самым серьезным боем стало уничтожение одного сломанного бронетранспортера с одним немцем внутри) роман получился достаточно динамичным. При этом, все их действия в тылу носят скорее случайный характер, а потомок Лёха (в отличие от героев А. Конторовича или А. Рыбакова), оказывается обузой для „предков”.

В этом романе ведущим сюжетным мотивом оказывается психологическое и мировоззренческое преобразование потомка, который в процессе месячных скитаний проникся искренним уважением к советским людям. Итоговый вывод, к которому подводит героя автор: „и раньше люди не дурнее нас жили <...> Не верилось ему теперь, что одним махом он все исправит. Просто потому, что неясно, что за мах должен быть и какое оно – измененное все?”²⁶ – является по сути базовой концепцией и Н. Берга и других авторов этого направления.

Демонстрации данного тезиса посвящено фактически все произведение. И в первую очередь Н. Берг разрушил расхожий штамп о пользе Послезнания потомков: „они все время ожидали от него, от Лехи, каких-то невиданных откровений и суперзнаний... сам-то Лёха понимал, что ему сказать нечего... Про тот же Сталинград Лёха помнил, что там немцы конкретно попали, но было это в сорок втором или сорок третьем году – ни за что бы не смог сказать точно. Опять же – что проку?”²⁷.

²⁶ Berg, Nikolai, Lekha, Tryb dostęp: <http://rubook.org/book.php?book=351292&page=17> [Dostęp: 20.07.2019]

²⁷ Berg, Nikolai, Lekha, Tryb dostęp: <http://rubook.org/book.php?book=351292&page=19> [Dostęp: 20.07.2019]

В этом произведении отчетливо звучат полемические и даже пародийные ноты, но задача автора представляется более важной, чем разрушить наиболее одиозные штампы и повысить степень реализма в изображении Великой Отечественной войны. Анализ сюжета приводит к выводу, что Н. Берг целенаправленно снижает роль фантастической составляющей сюжета, который приближается по смыслу к жанру военной прозы. Введение в число персонажей человека из будущего мало влияет на ход событий и становится скорее приемом сокращения дистанции между прошлым и настоящим.

А. Ивакин в романе „Мы погибнем вчера” отправил в прошлое большую группу „поисковиков”, занятых поиском и захоронением погибших бойцов. Они, в отличие от Лёхи, были подготовлены несколько лучше и готовы были принять участие в боях, а кроме, того попытались связаться с руководством, чтобы поделиться своими знаниями о будущем. Но автор предпочел придерживаться суровой сюжетной логики, построенной на отличном знании реалий боев на Ленинградском фронте 1942 года, вследствие чего все его герои были убиты за несколько дней. В итоге, как писал рецензент В. Шишкин: „получилось довольно реалистично, без излишней мишуры и рафинированности, напыщенности и пафоса. Показывая "окопную правду", автор неоднократно повторяет мысль о необходимости сохранения памяти о нашем прошлом”²⁸.

Аналогичные романы создали Ю. Корчевский, В. Полищук и Р. Юров. Их герои также не совершили громких подвигов, не предупредили Сталина и в целом ничем особенным не превзошли своих предков, но смогли адаптироваться в прошлом и честно воевали в рядах Красной армии.

Таким образом, попытка качественно повысить художественный уровень произведений о „попаданцах на ВОВ” хотя бы в части правдоподобия сюжета автоматически приводит к выходу за рамки „попаданческого” жанра и данные произведения скорее можно отнести к жанру военно-исторической прозы, где фантастическое допущение с хронопереносом служит исключительно для усиления психологического эффекта присутствия. В настоящий момент популярность „военных попаданцев” несколько снизилась по сравнению с 2010–2015 гг., а сам жанр в целом заметно эволюционирует от альтернативной истории к исторической прозе.

²⁸ Shishikin, Vitalei, Na vojne kak na vojne, Tryb dostęp: <http://old.mirf.ru/Reviews/review3805.htm> [Dostęp: 17.07.2019]

Bibliography

Ahmadiev, Farit, „Popadancy” ili fenomen zhanra al'ternativnoj istorii v sovremennoj literature, Tryb dostępu: <https://klauzura.ru/2016/11/farit-ahmadiev-popadantsy-ili-fenomen-zhanra-alternativnoj-istorii-v-sovremennoj-literature/> [Dostęp: 17.07.2019]

Vinogradov, Pavel, Marsh „popadancev”, ili Nostal'giya po al'ternative, Tryb dostępu: <http://lgz.ru/article/N13--6316---2011-04-06-/Marsh-”popadantsev»15731/> [Dostęp: 17.07.2019]

Berg, Nikolai, Lekha, Tryb dostępu: <http://rubook.org/book.php?book=351292&page=17> [Dostęp: 17.07.2019]

Galina, Maria, Vernut'sya i peremenit', Tryb dostępu: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2017/4/vernutsya-i-peremenit.html> [Dostęp: 17.07.2019]

Gularyan, Artem, Tema gryadushchej vojny v otechestvennoj fantastike, Tryb dostępu: http://samlib.ru/g/gularjan_a_b/gryaduschayawar.shtml [Dostęp: 17.07.2019]

Zimin Igor, Glezerov, Sergei, Rossijskaya literatura zaputalas' v al'ternativnoj istorii, Tryb dostępu: https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/esli_nbsp_by_da_nbsp_kaby_/ [Dostęp: 17.07.2019]

Ivakin, Alexei, Vstavaj, strana ogromnaya! Velikaya Otechestvennaya v fantastike: patriotizm ili „priklyuchalovo”? Tryb dostępu: <http://old.mirf.ru/Articles/art5178.htm> [Dostęp: 17.07.2019]

Kovalyov, Victor, Nashe nepredskazuemoe proshloe: popast' v al'ternativu, "Rossiya i sovremennyj mir", 2014, № 1 (82), s. 141-161.

Kovtun, Elena, Fantastika v zerkale chitatel'skich ozhidaniij, "Studia polonoslavica", Moskva, 2014, s. 379-403.

Konyushevskij, Vladislav, Popytka vozvrata, Tryb dostępu: <https://www.litmir.me/br/?b=35964&p=17> [Dostęp: 17.07.2019]

Lobin, Alexandr, Velikaya Otechestvennaya vojna kak syuzhet sovremennoj istoricheskij fantastiki, "Filologicheskij klass", 2013, № 3 (33), s. 122–127.

Luk'yanenko. Sergei, Popadancy u Stalina Tryb dostępu: <http://www.izvestia.ru/news/362106> [Dostęp: 17.07.2019]

Nevskij, Boris, Vstavaj, strana ogromnaya! Velikaya Otechestvennaya v fantastike: patriotizm ili „priklyuchalovo”? Tryb dostępu: <http://old.mirf.ru/Articles/art5178.htm> [Dostęp: 17.07.2019]

Nekhamkin, Valerei, Kontrfakticheskie istoricheskie issledovaniya, Tryb dostępu:

<http://www.socionauki.ru/journal/articles/134125/> [Dostęp: 17.07.2019]

Petuhova, Elena, Chernyj, Igor, *Sovremennyj russkij istoriko-fantasticheskij roman: monografiya*, Moskva, 2003, 138 s.

Tojnbi, Arnold, „Esli by Aleksandr ne umer togda...”, "Znanie – sila", 1979, № 2, s. 39–42.

Fishman, Leonid, „*Popadancheskaya fantastika: neuznannoe vypolnenie social'nogo zakaza*”? "Filosofiya obrazovaniya", 2013, № 6 (51), s. 119-124.

Frumkin. Konstantin, *Al'ternativno-istoricheskaya fantastika kak forma istoricheskoy pamyati*, "Istoricheskaya ekspertiza", 2016, № 4, s. 17-28.

Haritonov Evgeniy, „Bez vojny oni skuchayut...”, Tryb dostępu: http://www.fandom.ru/about_fan/haritonov_08.htm [Dostęp: 17.07.2019]

Shishikin, Vitalei, *Na vojne kak na vojne*, Tryb dostępu: <http://old.mirf.ru/Reviews/review3805.htm> [Dostęp: 17.07.2019]